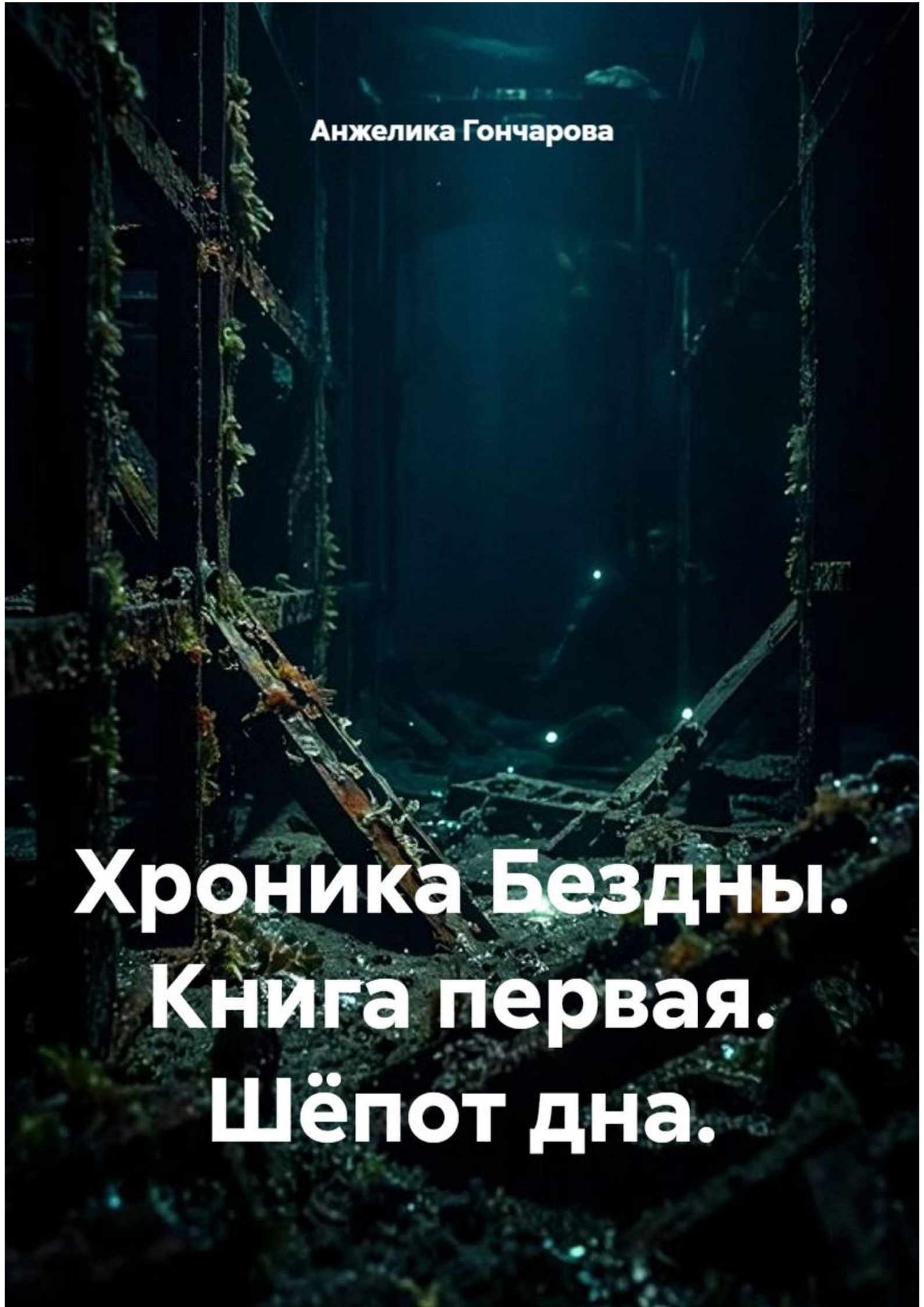

Анжелика Гончарова
Хроника Бездны.
Книга первая.
Шёпот дна.

Анжелика Гончарова

Хроника Бездны. Книга первая. Шёпот дна.

«Автор»
2026

Гончарова А.

Хроника Бездны. Книга первая. Шёпот дна. / А. Гончарова — «Автор», 2026

Мария Лазарева только что закончила вуз. Она молода, талантлива и одержима океаном — с детства ей кажется, что в глубине кто-то есть. Когда её приглашают в экспедицию к Марианской впадине, она соглашается не раздумывая.Максим Авдеев — опытный пилот батискафа. Он погружался туда, где не был никто. Он знает: океан не прощает ошибок. И он знает, что эта экспедиция — не просто научный проект. Пятнадцать лет назад в этой впадине погиб его отец. Максим идёт туда, чтобы найти ответы.На глубине одиннадцати километров, в вечной тьме, они находят то, чего не ждал никто: город. Древний. Разрушенный. И существ — полупрозрачных, светящихся, — которые хранят память океана. Они говорят с Марией. Они просят о помощи. Они умирают.Теперь Марии и Максиму предстоит не просто исследовать неизвестное. Им придётся выбирать: между наукой и совестью, между правдой и молчанием, между тем, чтобы уйти, — и тем, чтобы остаться.

© Гончарова А., 2026
© Автор, 2026

Анжелика Гончарова
Хроника Бездны. Книга первая. Шёпот дна.

Хроники бездны

Книга первая. Шёпот со дна

Глава 1. Отплытие

Порт был серым.

Небо — тоже серым, как мокрый бетон. Оно висело низко над водой, и казалось, что если протянуть руку, можно коснуться его пальцами. Мария стояла на причале, зажав в одной руке чемодан, в другой — пластиковый стакан с остывшим кофе, и смотрела на судно, которое должно было стать её домом на ближайшие месяцы.

«Академик Менделеев» был старым. Это первое, что она подумала. Не древним, как музейный экспонат, но старым — с облупившейся кое-где краской, с ржавыми потёками под иллюминаторами, с палубой, которая видела столько ног, что давно перестала обращать на них внимание. Белый корпус, синяя полоса вдоль борта, название выведено крупными буквами, и одна из них — «д» — чуть темнее остальных, будто её подкрашивали отдельно.

Мария сделала глоток кофе. Тот был горьким и уже остывшим.

— Вы Лазарева?

Она обернулась. Мужчина в форме — тёмно-синяя куртка, капитанская фуражка с потёртым козырьком — стоял в двух шагах и смотрел на неё с выражением человека, который уже всё про неё понял и не впечатлился.

— Да, — сказала она. — Мария.

— Соколов. Капитан. — Он не протянул руку. — Вам надо было быть на борту час назад.

— Простите. Я...

— Не важно. — Он развернулся. — Идите за мной. И кофе с собой не берите. У нас на судне есть правила.

Мария выбросила стакан в урну и пошла следом. Капитан шёл быстро, не оглядываясь, и ей приходилось почти бежать, чтобы не отставать.

Трап качался под ногами. Мария схватилась за поручень — холодный металл, шершавый от соли. Снизу пахло мазутом и рыбой, и ещё чем-то неуловимым, что она не могла назвать. Море? Нет, море пахло иначе. Это был запах чего-то старого, глубокого. Запах того, что никогда не видело солнца.

На палубе было людно. Матросы в рабочих робах, техники в комбинезонах, двое учёных в белых халатах, которые о чём-то спорили у борта. Никто не обратил на неё внимания.

— Ваша каюта — сорок два, — сказал Соколов, не оборачиваясь. — На третьей палубе. В восемь ноль-ноль завтра — сбор в кают-компании. Не опаздывайте.

— А где... — начала Мария, но капитан уже исчез за углом.

Она осталась одна посреди палубы, с чемоданом и чувством, что её здесь не ждут.

Каюта оказалась маленькой. Койка, стол, привинченный к полу стул, шкаф с отбитой дверцей, иллюминатор размером с ладонь. Через него было видно только небо — серое, низкое. Мария поставила чемодан на пол и села на койку. Та скрипнула.

«Всё хорошо, — сказала она себе. — Это то, чего ты хотела. Ты хотела в море. Ты хотела в глубину. Вот оно».

За иллюминатором что-то мелькнуло. Она подняла голову — но это была только чайка, белая и крикливая, она пролетела мимо и ушла в серое небо.

Мария принялась распаковывать вещи. Это заняло не много времени: несколько книг, ноутбук, тёплый свитер, сменная одежда. Она повесила куртку в шкаф, поставила ботинки под койку. Каюта всё равно осталась пустой — чужой, необжитой.

В дверь постучали.

— Открыто, — сказала Мария.

Дверь распахнулась, и на пороге появился мужчина. Высокий, лет тридцати, с тёмными волосами, отросшими до воротника, и лицом, которое выглядело так, будто его владелец давно не спал. Он был в потёртой ветровке и джинсах, и единственное, что выдавало в нём участника экспедиции — бейдж на шнурке, пристёгнутый к карману.

— Авдеев, — сказал он. — Максим. Пилот батискафа.

— Мария, — ответила она. — Биолог. Ну, точнее... я только что закончила вуз.

— Знаю, — сказал он. — Читал ваше дело.

Он прислонился к дверному косяку и оглядел каюту. Взгляд у него был цепкий, быстрый — он за секунду заметил и книги на столе, и куртку в шкафу, и то, что койка заправлена не по-морскому.

— Вы не были на море, — сказал он.

— Была. Несколько раз. Практика.

— Я не про практику. Я про море. Настоящее. — Он кивнул в сторону иллюминатора. — Вот это.

— Какая разница?

— Большая, — сказал Максим. — Практика — это когда ты знаешь, что через неделю вернёшься домой. А море — это когда ты не знаешь, вернёшься ли вообще.

Мария промолчала. Она не знала, что на это сказать.

— Ладно, — Максим оттолкнулся от косяка. — Я не за этим пришёл. Соколов сказал, вы будете в первой погружной группе. Со мной.

— Да.

— Хорошо. — Он посмотрел на неё внимательно. — Тогда совет. Первый и последний.

— Какой?

— Не влюбляйтесь в океан. — Он сказал это без улыбки. — Он этого не любит.

Развернулся и ушёл. Дверь осталась открытой.

Мария постояла секунду, потом подошла и закрыла её. Прислонилась спиной к холодной переборке и выдохнула.

«Не влюбляйтесь в океан».

Она посмотрела на иллюминатор. Серое небо, серая вода. Где-то там, внизу, под ними, была бездна. Одиннадцать километров тьмы. И что-то в этой тьме ждало.

Мария не знала, что именно. Но она чувствовала — с той самой силой, с которой чувствовала всё в своей жизни, — что это «что-то» уже знает о ней.

Она отвернулась от иллюминатора и начала разбирать вещи.

Глава 2. Судно

Утро началось с гудка.

Мария проснулась от того, что что-то тяжёлое и низкое прогудело прямо над головой — так, что задрожали стены каюты. Она села на койке, не понимая, где находится, и только через несколько секунд вспомнила: море. Судно. Экспедиция.

За иллюминатором было всё то же серое небо, но теперь по нему шли полосы — дождь. Мелкий, частый, он стучал по стеклу и по палубе, и его шум смешивался с гулом двигателей.

Мария посмотрела на часы. Семь сорок. Сбор в восемь.

Она умылась в крошечной душевой, где вода шла тонкой струйкой и пахла металлом, натянула свитер и вышла. Коридор был узким, освещённым жёлтыми лампами, и пахло в нём машинным маслом и чем-то ещё — едой? Кофе? Она пошла на запах.

Кают-компания находилась на второй палубе. Это было длинное помещение с рядами столов, привинченных к полу, и большими иллюминаторами вдоль стен. За одним из столов

уже сидели люди. Мария узнала капитана Соколова — он пил кофе и смотрел в планшет. Рядом с ним сидел мужчина в очках, худой и нервный, и что-то быстро говорил, тыкая пальцем в бумаги. Двое техников в углу ели кашу. И Максим — он сидел один у окна, перед ним стояла чашка, но он на неё не смотрел. Смотрел в иллюминатор.

Мария взяла поднос, набрала еды — каша, хлеб, кофе — и подошла к его столу.

— Можно?

Максим поднял глаза. Кивнул.

Она села напротив. Некоторое время они молчали. Мария ела, Максим смотрел в окно.

— Дождь, — сказала она наконец, потому что тишина становилась неудобной.

— Это не дождь, — ответил он. — Это фронт. К вечеру будет шторм.

— Сильный?

— Баллов шесть. Может, семь. — Он сделал глоток кофе. — Для «Менделеева» это ерунда. Он и в девять ходил.

Мария кивнула. Посмотрела на его чашку — кофе был почти чёрным, без молока и сахара. Как и у неё.

— Вы давно на этом судне? — спросила она.

— Третий раз. — Он отставил чашку. — Первый был пять лет назад. Потом ещё один, два года назад.

— И как вам... — она запнулась, подбирая слово. — Как вам здесь?

— Нормально. — Он пожал плечами. — Судно как судно. Старое, но надёжное. Капитан — мудак, но своё дело знает. Команда... — он обвёл взглядом кают-компанию. — Команда обычная. Никто не хочет здесь быть, но все здесь.

— А вы? Вы хотите здесь быть?

Максим посмотрел на неё. Долго. Так, что ей стало не по себе.

— Нет, — сказал он. — Не хочу.

— Тогда зачем вы здесь?

Он не ответил. Вместо этого кивнул в сторону стола капитана:

— Видите того человека в очках? Это Ковалёв. Начальник научной группы. Он будет ставить нам задачи. Слушайте его внимательно — он любит говорить быстро и не повторять.

Мария посмотрела на Ковалёва. Тот как раз поднял голову и обвёл взглядом кают-компанию.

— Внимание, — сказал он. Голос у него был высокий, резкий. — Все, кто участвует в погружениях, останьтесь. Остальные могут идти.

Техники в углу быстро доели и вышли. Капитан Соколов остался — он сидел, откинувшись на спинку стула, и смотрел на Ковалёва с выражением человека, который уже слышал всё это раньше.

Ковалёв развернул на столе карту. Она была большой, ламинированной, с отметками и линиями.

— Северная часть Марианской впадины, — сказал он. — Координаты — сорок два градуса северной широты, сто сорок четыре градуса восточной долготы. Глубина — от восьми до одиннадцати тысяч метров. Наша цель — гидротермальные поля. Мы обнаружили их два года назад с помощью беспилотника. С тех пор они не исследованы.

Мария подалась вперёд. Гидротермальные источники — это было то, ради чего она сюда шла. Горячие струи, богатые минералами, вокруг которых кипит жизнь, не похожая ни на что на поверхности. Чёрные курильщики. Белые курильщики. Целые экосистемы, которые никогда не видели солнца.

— Задачи две, — продолжал Ковалёв. — Первая: картография. Мы должны составить точную карту поля. Вторая: сбор образцов. Вода, грунт, организмы. Всё, что найдём.

— А батискаф? — спросил Максим.

— «Гагарин» готов. — Ковалёв посмотрел на него. — Вы пойдёте в первой группе. Вместе с... — он заглянул в бумаги. — Лазаревой.

Мария почувствовала, как взгляды всех присутствующих обратились к ней. Она выпрямилась.

— Хорошо, — сказал Максим. — Когда?

— Послезавтра. Завтра — проверка систем. Сегодня — отдых. — Ковалёв свернул карту. — Всё. Вопросы?

Вопросов не было. Все начали расходиться. Мария встала, но Максим не двинулся с места. Он сидел и смотрел на стол.

— Что-то не так? — спросила она.

— Всё так, — сказал он. — Просто... — он покачал головой. — Ничего. Идите. Увидимся завтра.

Мария вышла из кают-компании. В коридоре было пусто. Она пошла к своей каюте, но по дороге остановилась у иллюминатора. Дождь усилился. Волны были серыми, с белыми барашками. Где-то там, под ними, на глубине восьми тысяч метров, были гидротермальные поля. Чёрные курильщики. Жизнь без солнца.

И что-то ещё.

Мария не знала, откуда взялась эта мысль. Но она была там, в глубине её сознания, с самого начала. С того момента, как она увидела океан.

«Там что-то есть».

Она отвернулась от иллюминатора и пошла в каюту.

Весь день она провела, изучая материалы. Ковалёв прислал ей на ноутбук папку с данными: батиметрия, температура, солёность, предыдущие исследования. Мария читала, делала пометки, рисовала схемы. К вечеру у неё болела голова, но она чувствовала, что начинает понимать.

Гидротермальное поле было странным. Оно находилось не на дне впадины, а на склоне — на глубине восьми тысяч метров. Это было необычно. Большинство известных полей находились на глубине двух-трёх тысяч. Здесь же было гораздо глубже. Гораздо темнее. Гораздо более... изолированно.

Мария открыла фотографии, сделанные беспилотником два года назад. Изображения были размытыми, низкого качества. Но она увидела главное: тёмные струи, поднимающиеся со дна, как дым. И вокруг них — что-то. Она увеличила.

Это были организмы. Много. Тысячи. Они покрывали склон вокруг источников, как ковёр. Но формы их были странными. Не губки, не кораллы, не черви. Что-то другое. Что-то, чего она не знала.

Мария откинулась на спинку стула. За иллюминатором было темно — ночь, дождь, волны. Судно качалось. Мерно, ритмично, как маятник.

Она закрыла ноутбук и легла. Но сон не шёл. Она лежала и смотрела в потолок, и в голове у неё крутились мысли.

«Там что-то есть».

За стеной, в коридоре, кто-то прошёл. Шаги стихли. Мария закрыла глаза.

И тогда она услышала это.

Тихо, едва различимо, сквозь шум двигателей и дождя, сквозь скрип переборок и гул воды за бортом — шёпот. Словно кто-то говорил с ней из глубины. Не слова. Просто звук. Словно океан дышал.

Мария открыла глаза.

Шёпот исчез.

Она лежала неподвижно, вслушиваясь в тишину. Но тишины не было — было море. Оно всегда было там, за бортом. Оно всегда говорило. Просто она раньше не слушала.

Мария повернулась на бок и закрыла глаза. Она не знала, сколько прошло времени. Может, час. Может, два. Она провалилась в сон, и ей снилось что-то тёмное и глубокое, и в этом сне кто-то звал её по имени.

Глава 3. Проверка

Утро было ясным.

Дождь прошёл, тучи ушли на восток, и небо над океаном стало бледно-голубым, почти белым у горизонта. Ветер стих. Море лежало ровное, как стекло, и в нём отражалось всё — небо, облака, судно. Мария стояла на палубе и смотрела на эту гладь, и ей казалось, что она смотрит в бездну.

— Красиво, — сказал Пётр Ильич, подходя. — Такое море редко бывает. Обычно оно злое.

— А сегодня доброе?

— Сегодня оно притворяется. — Инженер усмехнулся в седую бороду. — Океан всегда притворяется. Он как кошка: когда ластится, жди удара.

Мария посмотрела на него:

— Вы давно здесь?

— На «Менделееве»? — Он задумался. — Лет двадцать. Может, больше. Я уже сбился со счёту. — Он кивнул в сторону кормы. — Пойдёмте. «Гагарин» ждёт.

Батискаф стоял в ангаре — огромном помещении в кормовой части судна, с высоким потолком и широкими воротами, которые открывались в море. Мария видела его раньше, но только издалека. Теперь, когда она стояла рядом, он казался меньше, чем она думала. И больше одновременно.

— Двенадцать метров в длину, — сказал Пётр Ильич, словно читая её мысли. — Три с половиной в ширину. Вес — двадцать восемь тонн. Корпус — титановый сплав. Выдерживает давление до полутора тысяч атмосфер. — Он похлопал аппарат по боку. — Красавец.

Мария обошла батискаф кругом. Он был похож на огромную капсулу с иллюминаторами — три спереди, по одному по бокам. Снизу — манипуляторы, похожие на механические руки. Сверху — прожекторы, камеры, антенны.

— А это? — Она указала на странные цилиндры, прикреплённые к корпусу.

—Балласт. — Пётр Ильич подошёл. — Цистерны с железной дробью. Когда надо погружаться — заполняем водой, идём вниз. Когда всплывать — сбрасываем дробь, и аппарат идёт вверх. Просто и надёжно.

— А если что-то сломается?

— Тогда у нас есть аварийный сброс. — Он показал на красную ручку у люка. — Дёргаете — и всё, что держит вас на дне, отваливается. Всплываете как пробка.

— А если и это не сработает?

Пётр Ильич посмотрел на неё серьёзно:

— Тогда вы делаете всё, чтобы это сработало.

Из люка показался Максим. Он был в рабочем комбинезоне, с инструментом в руках, и выглядел так, будто провёл здесь всю ночь.

— Системы в порядке, — сказал он, спускаясь. — Гидравлика работает. Двигатели проверены. Кислородные баллоны заправлены. — Он посмотрел на Марию. — Готовы?

— К проверке?

— К погружению. — Он вытер руки о тряпку. — Завтра мы идём вниз. Сегодня — последний день на поверхности. Завтра в это время мы будем на глубине трёх тысяч метров.

Мария почувствовала, как что-то сжалось в груди. Страх? Нет. Что-то другое. Предвкушение.

— Готова, — сказала она.

Максим кивнул. Не улыбнулся, но что-то в его лице изменилось — словно он её оценил.

— Хорошо. Тогда давайте проверим системы. Я покажу вам, что где находится. На всякий случай.

Внутри «Гагарина» было тесно. Два кресла, разделённые узким проходом. Панель управления — сплошные экраны, кнопки, тумблеры. Мария села в правое кресло, Максим — в левое.

— Это ваш пост, — сказал он, показывая на панель перед ней. — Здесь — управление манипуляторами. Здесь — камеры. Здесь — запись данных. — Он провёл рукой по ряду кнопок. — А это — аварийная связь. Если что-то случится со мной, вы сможете вызвать поверхность.

— А если что-то случится с вами и со связью?

— Тогда вы всплываете. — Он показал на красную ручку. — Помните? Аварийный сброс. Дёргаете — и всё.

— А если я не смогу?

Максим посмотрел на неё. Долго.

— Сможете, — сказал он. — У вас не будет выбора.

Он отвернулся и начал проверку. Мария смотрела на его руки — быстрые, уверенные, они двигались по панели, как у пианиста. Он знал этот аппарат наизусть. Каждый тумблер, каждую кнопку. Это было видно.

— Вы давно пилотируете? — спросила она.

— Десять лет. — Он не отрывался от работы. — Начал в двадцать один. На «Мире». Потом был «Триест». Теперь вот «Гагарин».

— «Мир» — это тот, который снимал «Титаник»?

— Тот самый. — Он нажал несколько кнопок. — Я был там. На «Титанике». Видел его своими глазами.

— И как?

Максим помолчал. Потом сказал:

— Он выглядит как город, в котором давно никто не живёт. Дома, улицы, машины. Всё есть. Только людей нет. И тишина. — Он посмотрел на неё. — Знаете, что самое страшное на глубине?

— Что?

— Не давление. Не темнота. Не холод. Тишина. Там, внизу, нет звуков. Вообще. Только те, что ты приносишь с собой. — Он отвернулся. — Потому что там нет жизни. А жизнь — это шум. Всегда.

Мария поёжилась. Она представила это: батискаф, тьма, и абсолютная, полная, звенящая тишина. Ни ветра, ни волн, ни дождя. Только ты и твоё дыхание.

— А здесь будет жизнь? — спросила она. — На гидротермальных полях?

— Будет. — Он кивнул. — И это... это странно.

— Почему?

— Потому что там, где нет света, нет тепла, нет ничего — там жизнь кипит. Бактерии, которые едят серу. Черви, которые едят бактерий. Рыбы, которые едят червей. Целый мир. Без солнца. — Он покачал головой. — Иногда я думаю: а что, если мы не одни? Что, если там, в глубине, есть что-то ещё? Что-то, чего мы не знаем?

Мария хотела ответить, но не успела. В дверях ангара появился Ковалёв.

— Авдеев! — крикнул он. — На минуту.

Максим выбрался из батискафа. Мария осталась одна. Она сидела в кресле и смотрела на панель. Её панель. Завтра она будет здесь, внизу, на глубине восьми тысяч метров. И от неё будет зависеть... что?

Она не знала. Но чувствовала: что-то.

День прошёл быстро. Проверка заняла несколько часов. Потом был обед, потом — совещание, потом — снова проверка. К вечеру Мария валилась с ног.

Она вышла на палубу. Солнце садилось — огромное, красное, оно висело над водой, и море вокруг было красным, как кровь. Мария стояла у борта и смотрела на закат.

— Красиво.

Она обернулась. Максим стоял в двух шагах, засунув руки в карманы. Он смотрел не на закат, а на неё.

— Вы так и будете подходить незаметно? — спросила Мария.

— Привычка. — Он подошёл ближе. — Как вы?

— Нервничаю.

— Это нормально. — Он посмотрел на закат. — Знаете, что я думаю?

— Что?

— Что завтра мы увидим что-то, чего раньше не видели. — Он помолчал. — И это будет не просто рыба. Не просто камни. Что-то большее.

Мария посмотрела на него:

— Вы поэтому здесь? Из-за этого чувства?

— Может быть. — Он пожал плечами. — А может, из-за отца.

— Отца?

Максим помолчал. Потом сказал:

— Мой отец был здесь. Пятнадцать лет назад. Он тоже был пилотом. Он погружался в эту впадину. И не вернулся.

Мария замерла.

— Что случилось?

— Никто не знает. — Он смотрел на воду. — Он вышел на связь на глубине восьми тысяч метров. Сказал, что видит что-то странное. А потом связь оборвалась. Батискаф нашли через неделю. Пустой. Ни отца, ни записей, ни объяснений.

— Господи, — прошептала Мария.

— Вот почему я здесь. — Максим повернулся к ней. — Я хочу узнать, что он видел. Что он нашёл. И почему не вернулся.

Мария молчала. Солнце почти село. Небо стало тёмно-красным, почти чёрным у горизонта.

— Вы думаете, это связано с нашими гидротермальными полями? — спросила она.

— Не знаю. — Он покачал головой. — Но когда я был здесь два года назад, я видел... — он замолчал.

— Что?

— Огоньки. В темноте. На глубине трёх тысяч метров. Они двигались. Не как рыбы. Как... — он подбирал слово. — Как стая. Как что-то разумное.

Мария почувствовала, как холод пробежал по спине.

— Вы кому-нибудь рассказывали?

— Ковалёву. Он сказал, что это биолюминесценция. Что я устал. Что мне показалось. — Максим усмехнулся. — Может, и показалось. Может, я действительно устал. Но я видел их. И я знаю, что это было не просто свечение.

Он замолчал. Солнце село. Стало темно.

— Завтра, — сказал Максим. — Завтра мы всё узнаем.

Он развернулся и ушёл. Мария осталась одна у борта. Смотрела на воду. Чёрную, как чернила.

И где-то там, в глубине, что-то ждало.

Глава 4. Спуск

Мария не спала.

Она лежала на койке, уставившись в потолок, и слушала, как судно дышит. Скрип переборок, гул двигателей, плеск волн за бортом. Всё это было уже знакомо — за три дня она привыкла к этим звукам, научилась различать их, как различают голоса в толпе. Но сегодня к ним добавлялся ещё один. Тот, которого она не слышала раньше.

Шёпот.

Он был тихим, на грани слышимости. Словно кто-то стоял за дверью и говорил очень тихо, так тихо, что нельзя было разобрать слов. Мария лежала неподвижно, боясь пошевелиться, и слушала. Шёпот не прекращался. Он шёл снизу. Из глубины.

В четыре утра она сдалась и встала. Оделась, вышла в коридор. Там было пусто и темно — только аварийные лампы горели у пола, отбрасывая красные отсветы на металлические стены. Мария пошла к кают-компании, но по дороге остановилась у иллюминатора.

За стеклом было чёрное море. Ни луны, ни звёзд — только тьма. И в этой тьме — она готова была поклясться — что-то двигалось. Медленно, плавно, как большая рыба. Или не рыба.

Она прижалась лицом к стеклу. Вгляделась. Ничего. Только чернота.

— Не спится?

Мария вздрогнула. Обернулась. Максим стоял в конце коридора, в ветровке и с чашкой в руке. От него пахло кофе.

— Вы меня напугали, — сказала она.

— Извините. — Он подошёл. — Тоже не можете спать?

— Нет. — Она посмотрела на его чашку. — Это кофе?

— Это не кофе. Это топливо. — Он протянул ей чашку. — Держите. Вам нужно.

Мария взяла. Сделала глоток. Кофе был крепким, обжигающим, с каким-то странным привкусом — не то кардамон, не то что-то ещё.

— Что это?

— Секрет. — Максим прислонился к стене рядом с ней. — Мой отец так делал. Говорил, что перед погружением нужно что-то, что согревает изнутри.

Мария сделала ещё глоток. Кофе растёкся по телу теплом, и шёпот, который она слышала всю ночь, на секунду отступил.

— Спасибо.

— Не за что. — Он помолчал. — Как вы?

— Боюсь.

— Хорошо.

Мария посмотрела на него:

— Хорошо?

— Если бы вы не боялись, я бы забеспокоился. — Он оттолкнулся от стены. — Страх — это нормально. Он держит тебя в тонусе. Заставляет проверять системы дважды. Заставляет думать. — Он забрал у неё чашку. — Проблема не в страхе. Проблема в панике. Когда паникуешь — ты не думаешь. А там, внизу, думать нужно всегда.

Он пошёл дальше по коридору. Мария смотрела ему вслед.

— Максим, — позвала она.

Он обернулся.

— Что вы видели? Тогда? Два года назад? — Она запнулась. — Вы сказали — огоньки. Но что это было?

Максим молчал. В красном свете аварийных ламп его лицо казалось вырезанным из камня.

— Я не знаю, — сказал он наконец. — Но они были не просто огоньками. Они были... — он подбирал слово. — Они были как стая. Как стая рыб, которая двигается вместе. Только это были не рыбы. Слишком большие. Слишком... — он покачал головой. — Я не знаю. Но я не рассказал вам всего.

— Что вы не рассказали?

— Когда я их увидел, — сказал он тихо, — я услышал звук. В наушниках. Как будто кто-то говорил. Не словами. Звуком. — Он посмотрел на неё. — Я никому об этом не говорил. Ковалёв бы решил, что я сошёл с ума.

Мария почувствовала, как холод пробежал по спине. Шёпот. Тот самый шёпот, который она слышала всю ночь.

— Я тоже слышу, — сказала она.

Максим замер.

— Что?

— Шёпот. Всю ночь. Он идёт снизу. — Она смотрела на него. — Я думала, это галлюцинация. Но если вы тоже...

Максим подошёл к ней. Близко. Так близко, что она видела его глаза — тёмные, серьёзные, без тени улыбки.

— Вы слышите шёпот? — спросил он.

— Да.

— Давно?

— Со вчерашнего вечера. Может, раньше. Я не уверена.

Максим отступил. Провёл рукой по волосам.

— Это плохо, — сказал он.

— Почему?

— Потому что я слышал его только один раз. Два года назад. И тогда... — он замолчал.

— Что тогда?

— Тогда я чуть не погиб.

В шесть утра они были в ангаре. Пётр Ильич уже ждал их — с инструментами, с планшетом, с чашкой кофе. Он выглядел так, будто не спал неделю.

— Доброе утро, — сказал он хмуро. — Готовы?

— Готовы, — ответил Максим.

Мария промолчала. Она смотрела на «Гагарина». В свете ангарных ламп он казался ещё меньше, чем вчера. И ещё более хрупким.

— Проверка ещё раз, — сказал Пётр Ильич. — По полной программе. Я не хочу, чтобы вы застряли там внизу.

Они проверили всё. Двигатели, гидравлику, балласт, кислород, связь, аварийные системы. Мария держала планшет и отмечала галочки, а Максим лазил по батискафу, заглядывая в каждую щель.

— Готово, — сказал он наконец. — Всё в норме.

— Хорошо. — Пётр Ильич посмотрел на них. — Тогда — удачи. И возвращайтесь.

Они забрались внутрь. Люк закрылся. Мария пристегнулась и посмотрела на панель. Всё было знакомо — за три дня она изучила каждый тумблер. Но сейчас это не помогало. Руки дрожали.

— Дышите, — сказал Максим. — Просто дышите.

Он включил двигатели. Батискаф дрогнул, и ворота ангара открылись. За ними было море — серое, спокойное, утреннее.

— «Гагарин», я «Менделеев», — раздался в наушниках голос Соколова. — Разрешаю погружение. Глубина — одиннадцать тысяч метров. Время — двенадцать часов. Связь каждые два часа. Удачи.

— Принято, — сказал Максим. — Начинаем.

Батискаф выехал из ангара. Вода сомкнулась над иллюминаторами. Мария смотрела, как свет с поверхности тускнеет, как меняется цвет воды — голубой, синий, тёмно-синий, чёрный.

— Погружение начато, — сказала она в микрофон. — Глубина — десять метров. Видимость — двадцать метров. Всё в норме.

— Принято, «Гагарин», — ответил Соколов.

Они опускались. Медленно, метр за метром. Мария смотрела на глубиномер: пятьдесят метров, сто, двести. Свет исчез. Включились прожекторы.

— Первая остановка — три тысячи метров, — сказал Максим. — Там проведём проверку систем. Потом пойдём дальше.

— Хорошо.

Они молчали. Только гул двигателей и шум воды. Мария смотрела в иллюминатор. В луче прожектора мелькнула рыба — маленькая, серебристая, она вильнула хвостом и исчезла.

— Красиво, — сказала Мария.

— Это только начало, — ответил Максим.

Они опускались.

Глава 5. Глубина

На глубине тысячи метров свет окончательно исчез.

Мария знала, что так будет — читала, готовилась, представляла. Но знать и видеть — разные вещи. Свет ушёл не сразу. Сначала он потускнел, стал серым, потом синим, потом тёмно-синим, почти чёрным. А потом просто исчез. Как будто кто-то выключил лампу.

— Прожекторы, — сказал Максим.

Он щёлкнул тумблерами, и внешние огни вспыхнули — три луча, прорезавшие тьму. Мария увидела, как в их свете кружатся крошечные частицы. Планктон. Или ил. Или что-то ещё.

— Глубина — тысяча метров, — сказала она в микрофон. — Давление — сто атмосфер. Температура — четыре градуса. Всё в норме.

— Принято, «Гагарин», — ответил Соколов. Голос был тихим, далёким. — Продолжайте.

Они опускались. Мария смотрела в иллюминатор. Время от времени в луче прожектора что-то мелькало — тёмное, быстрое. Рыбы? Она не успевала разглядеть.

— Кто здесь живёт? — спросила она. — На такой глубине?

— Удильщики. Глубоководные удильщики. — Максим не отрывался от панели. — Они маленькие, но зубастые. У них на голове — удочка с фонариком. Приманивают добычу. — Он помолчал. — А ещё здесь есть рыбы, которые светятся. Но не для того, чтобы приманивать. А для того, чтобы предупреждать.

— О чём?

— О том, что они ядовитые. Или что они опасны. — Он посмотрел на неё. — Свет в океане — это язык. Одни говорят «я здесь, съешь меня». Другие — «не трогай, будет хуже».

Мария записала это в блокнот. Потом посмотрела на глубиномер

— Две тысячи метров, — сказала она. — Давление — двести атмосфер.

— Нормально, — ответил Максим. — Ещё немного, и будет первая остановка.

Они опускались. Мария смотрела на воду. Она была чёрной, как чернила. И в этой черноте что-то двигалось. Она видела это краем глаза — тени, которые исчезали, как только она пыталась их разглядеть.

— Максим, — сказала она тихо. — Ты видишь?

— Что?

— Там. — Она показала. — Что-то движется.

Максим посмотрел в иллюминатор. Долго. Потом покачал головой:

— Не вижу.

— Но я...

— Я знаю. — Он перебил её мягко, но твёрдо. — Ты видишь. Я верю. Но сейчас мы не можем отвлекаться. Мы на глубине двух тысяч метров. Нам нужно спуститься ещё на шесть. И мы должны быть внимательны.

Мария кивнула. Но взгляд её остался на иллюминаторе. Там, в темноте, что-то было. Она чувствовала это. Чувствовала, как что-то смотрит на неё. Не рыба. Не кальмар. Что-то другое.

— Три тысячи метров, — сказал Максим. — Остановка.

Они зависли в воде. Батискаф покачивался, как маятник. Мария смотрела на глубиномер: ровно три тысячи метров. Давление — триста атмосфер. Температура — два градуса.

— Проверка систем, — сказал Максим. — Двигатели — в норме. Гидравлика — в норме. Кислород — двенадцать часов. Связь — проверим.

Он включил передатчик.

— «Менделеев», я «Гагарин». Проверка связи.

Тишина. Потом — голос Соколова, искажённый помехами:

— «Гагарин», слышу вас. Слышу хорошо. Продолжайте.

— Принято. Продолжаем.

Максим выключил передатчик. Мария смотрела на него.

— Всё в порядке?

— Да. — Он кивнул. — Всё в порядке.

Они помолчали. Батискаф покачивался. Мария смотрела в иллюминатор. Тьма за стеклом была абсолютной. Только луч прожектора выхватывал из неё что-то — частицы ила, мелких креветок, проплывающих мимо.

— Максим, — сказала она. — Расскажи мне о своём отце.

Он посмотрел на неё. Долго.

— Зачем?

— Потому что мы идём туда, где он погиб. — Она смотрела на него. — И потому что я хочу знать, с кем я здесь.

Максим отвернулся. Помолчал. Потом сказал:

— Его звали Николай. Николай Авдеев. Он был пилотом. Одним из лучших. — Он сделал паузу. — Когда я был маленьким, он брал меня с собой на судно. Я сидел в батискафе, трогал рычаги, представлял, что я — это он. — Он усмехнулся. — Он смеялся. Говорил: «Ты слишком мал. Подрастёшь — я тебя научу».

— Что случилось?

— Я подрос. — Максим смотрел в иллюминатор. — Мне было шестнадцать, когда он погиб. Он погружался здесь, в этой впадине. На глубину восемь тысяч метров. — Он помолчал. — Я ждал его на поверхности. Восемь часов. Двенадцать. Двадцать. Он не вернулся.

— Что нашли?

— Батискаф. Пустой. — Он повернулся к ней. — Люк был открыт. Изнутри. Словно он сам его открыл. Но на такой глубине это невозможно. Давление в восемьсот атмосфер. Ты не откроешь люк. Ты не сможешь. Ты умрёшь раньше.

Мария почувствовала, как холод пробежал по спине.

— Что с ним случилось?

— Никто не знает. — Максим покачал головой. — Тело не нашли. Записи не нашли. Только батискаф. И всё. — Он помолчал. — Через год после этого я поступил в институт. Стал пилотом. Я хотел узнать, что он видел. Что он нашёл. И почему не вернулся.

— И что ты узнал?

— Ничего. — Он посмотрел на неё. — Пока ничего. Но теперь... — он кивнул в сторону иллюминатора. — Теперь я здесь. И я собираюсь узнать.

Мария хотела ответить, но не успела. Что-то ударило в корпус батискафа. Тихо, глухо — как будто кто-то постучал.

— Что это? — спросила она.

Максим уже смотрел на панель.

— Не знаю. — Он проверил показатели. — Давление в норме. Корпус цел. — Он нахмурился. — Но что-то было.

Они ждали. Батискаф покачивался. Мария смотрела в иллюминатор. Тьма за стеклом была абсолютной. И в этой тьме что-то двигалось.

— Максим, — прошептала она. — Смотри.

Он посмотрел. И замер.

В луче прожектора появилось что-то. Оно было большим, тёмным, и оно двигалось. Медленно, плавно. Как кит. Но это был не кит.

— Что это... — начала Мария.

Существо повернулось. Мария увидела глаз. Один. Огромный, чёрный, без зрачка. Он смотрел на неё.

И тогда в наушниках раздался звук.

Шёпот.

Глава 6. Глаз

Мария не могла дышать.

Это было странное чувство — словно кто-то сдавил горло изнутри. Она знала, что кислород в норме, что давление в кабине стабильно, что ничего не происходит. Но тело не слушалось. Тело хотело бежать. А бежать было некуда.

Глаз смотрел на неё.

Он был чёрным. Не тёмно-серым, не коричневым — чёрным, как сама бездна. И в этой черноте не было ни зрачка, ни радужки, ни блеска. Только тьма. И эта тьма смотрела.

— Максим, — прошептала она. — Что это?

Максим не отвечал. Он сидел неподвижно, вцепившись в подлокотники кресла, и смотрел на существо. Лицо у него было бледным, как бумага.

— Максим!

— Я вижу, — сказал он хрипло. — Я вижу.

Существо висело в воде в десяти метрах от батискафа. Оно было огромным — больше «Гагарина», может, в два раза. Тёмное, бесформенное, оно казалось продолжением тьмы, которую прожекторы не могли до конца разогнать. И только глаз — один, круглый, немигающий — был виден отчётливо.

— Оно двигается, — сказала Мария.

Существо действительно двигалось. Медленно, плавно, оно приближалось. Не быстро, не агрессивно. Словно изучало. Словно пробовало на вкус.

— Отойди, — сказал Максим. — От иллюминатора.

Мария отпрянула. Существо подплыло ближе. Теперь оно было в пяти метрах. В трёх. Глаз заглянул в иллюминатор — прямо туда, где секунду назад была её голова.

— Оно нас видит, — сказала Мария. — Оно нас видит.

— Я знаю.

Максим включил внешние камеры. На экране появилось изображение — тёмное, размытое, но можно было разглядеть очертания существа. Оно было не похоже ни на что. Не рыба, не кальмар, не кит. Что-то другое. Что-то, для чего у Марии не было названия.

— Связь, — сказал Максим. — Надо сообщить на поверхность.

Он включил передатчик.

— «Менделеев», я «Гагарин». У нас... — он запнулся. — У нас контакт. Неизвестный объект. Биологический. Размер — около двадцати метров. Поведение — неагрессивное. Изучает.

Тишина. Потом голос Соколова, искажённый помехами:

— «Гагарин», повторите. Что вы видите?

— Неизвестный объект, — повторил Максим. — Биологический. Огромный. Смотрит на нас.

Тишина. Долгая. Потом:

— «Гагарин», рекомендуем прекратить погружение и всплыть. Немедленно.

Максим посмотрел на Марию. Она кивнула.

— Принято, «Менделеев». Начинаем всплытие.

Он потянулся к панели. И в этот момент в наушниках раздался шёпот.

Он был громче, чем раньше. Отчётливее. Слова — странные, незнакомые, но понятные. Мария слышала их не ушами. Она слышала их внутри головы.

— Вы... вернулись...

Она зажмурилась. Схватилась за голову.

— Мария? — Голос Максима был далёким. — Мария, что с тобой?

— Оно... — она открыла глаза. — Оно говорит.

— Что?

— Оно говорит... «Вы вернулись». — Она посмотрела на него. — Максим, оно знает, что мы здесь были. Оно знает.

Максим смотрел на неё. Потом на существо. Потом снова на неё.

— Что ещё оно говорит?

Мария прислушалась. Шёпот не прекращался. Он был как вода — везде, со всех сторон. И в нём были слова.

— Вы... пришли... снова... — она переводила медленно, слово за словом. — Мы... ждали...

— Кто «мы»? — спросил Максим. Он говорил громко, словно надеялся, что существо услышит. — Спроси, кто они.

Мария хотела спросить. Но шёпот изменился. Он стал громче, настойчивее. Слова путались, сливались в поток.

— Не... уходите... — она слышала это отчётливо. — Вы... нужны... нам...

— Максим, — сказала она. — Оно не хочет, чтобы мы уходили.

Максим уже работал с панелью.

— Слишком поздно, — сказал он. — Мы всплываем.

Он дёрнул рычаг сброса балласта. Батискаф дрогнул. Мария почувствовала, как что-то меняется — давление, вес, движение. Они начали подниматься.

Существо не двигалось. Оно висело в воде и смотрело им вслед. Глаз — чёрный, немигающий — оставался в иллюминаторе, пока батискаф не поднялся выше. И даже тогда Мария чувствовала его взгляд.

Шёпот стих. Медленно, как вода, уходящая из трещины. Слова исчезли. Осталась только тишина.

— Ты как? — спросил Максим.

Мария поняла, что всё ещё держится за голову. Опустила руки. Они дрожали.

— Нормально, — сказала она. — Кажется.

— Что оно сказало?

Она посмотрела на него.

— Оно сказало: «Вы вернулись. Мы ждали. Вы нужны нам».

Максим молчал. Батискаф поднимался. Глубина — две тысячи пятьсот метров. Две тысячи. Тысяча пятьсот.

— Ты понимаешь, что это значит? — спросила Мария.

— Понимаю. — Он смотрел на панель. — Это значит, что мы здесь не первые. И не последние. — Он помолчал. — И это значит, что мой отец тоже это слышал.

Они всплыли через два часа. Солнце уже клонилось к закату — красное, большое, оно висело над водой, и море вокруг было красным, как кровь.

Мария выбралась из батискафа первой. Ноги не слушались. Она села на палубу ангара и прислонилась спиной к стене. Внутри всё дрожало.

Максим вышел следом. Он был бледным, но держался прямо.

— Всё, — сказал он. — Всё закончилось.

— Ты уверен? — спросила Мария.

Он посмотрел на неё. Долго.

— Нет, — сказал он. — Не уверен.

Из ангара они вышли вместе. На палубе их ждали — Ковалёв, Соколов, Пётр Ильич. Все смотрели на них.

— Что произошло? — спросил Ковалёв. — Что вы видели?

Максим переглянулся с Марией.

— Мы не знаем, — сказал он. — Что-то. Большое. Оно смотрело на нас.

— Оно говорило, — сказала Мария.

Все повернулись к ней.

— Говорило? — переспросил Ковалёв.

— Да. — Она смотрела на него. — В моей голове. Оно сказало: «Вы вернулись. Мы ждали».

Тишина. Ковалёв побледнел.

— Это невозможно, — сказал он. — Это... это галлюцинация. Давление. Глубина.

— Я слышал то же самое, — сказал Максим. — Два года назад. И мой отец слышал. Пятнадцать лет назад.

Ковалёв смотрел на него. Молчал.

— Что вы предлагаете? — спросил Соколов.

Максим посмотрел на море. Красное, как кровь.

— Я предлагаю вернуться, — сказал он. — Завтра. И узнать, что это.

Глава 7. Ночь после

Совещание закончилось ничем.

Ковалёв требовал подробностей — все данные, все записи, все показания приборов. Максим отдал ему флешку с логами, но о том, что слышал, больше не сказал ни слова. Мария тоже молчала. Они переглянулись один раз — коротко, понимающе — и решили: пока не время.

Ковалёв ушёл к себе, бормоча что-то про «стресс» и «необходимость повторного медицинского осмотра». Соколов отправился на мостик. Пётр Ильич увез «Гагарина» в ангар и остался там, проверяя системы.

Мария вышла на палубу.

Ночь была ясной. Звёзды — яркие, крупные, какого она никогда не видела в городе, — висели над головой, и море отражало их, так что казалось, будто они плывут в двух океанах сразу: в том, что над ними, и в том, что под ними. Воздух был прохладным и солёным.

Она стояла у борта и смотрела вниз. Чёрная вода. Тихая. И где-то там, на глубине восьми тысяч метров, — существо с чёрным глазом. Оно ждало. Мария чувствовала это. Чувствовала, как что-то тянет её туда. Вниз.

— Не спится?

Она обернулась. Максим стоял в двух шагах. В руке — две чашки. От одной шёл пар.

— Ты опять, — сказала Мария.

— Я всегда. — Он протянул ей чашку. — Держи. Тот же рецепт.

Она взяла. Сделала глоток. Кофе был крепким, обжигающим, с тем странным привкусом, который она уже начала узнавать. Кардамон. И что-то ещё. Может, перец.

— Спасибо.

Они стояли рядом. Молчали. Звёзды над головой. Звёзды под ногами.

— Ты думаешь, мы сошли с ума? — спросила Мария.

— Нет. — Максим покачал головой. — Я думаю, мы увидели что-то, чего не понимаем. Это разные вещи.

— А Ковалёв?

— Ковалёв боится. — Он сделал глоток. — Он учёный. Учёные не любят, когда мир оказывается сложнее, чем они думали. Это ломает их картину мира.

— А тебя?

— Меня? — Он усмехнулся. — Меня это, наоборот, притягивает. Я всегда знал, что там, внизу, что-то есть. Что-то, чего мы не видим. — Он помолчал. — Мой отец тоже это знал.

Мария посмотрела на него. В свете звёзд его лицо казалось моложе — без морщин, без усталости. Таким он, наверное, был в двадцать лет.

— Расскажи мне о нём, — сказала она. — О твоём отце. Не о том, как он погиб. А о том, каким он был.

Максим помолчал. Потом сказал:

— Он был упрямым. Как баран. Если он что-то решал — его было не остановить. — Он улыбнулся. — Мама говорила: «Твой отец скорее умрёт, чем признает, что был неправ». — Улыбка исчезла. — Так и вышло.

— Что он искал? Здесь? В этой впадине?

— Он не говорил. — Максим покачал головой. — Но я знаю, что он вёл какие-то записи. Дневник. Он всегда его вёл. После погружения садился и писал. — Он посмотрел на неё. — Когда его не стало, дневник пропал. Его не было в вещах. Ни на судне, ни дома.

— Думаешь, кто-то забрал?

— Думаю, да. — Максим сжал чашку. — И думаю, что этот кто-то до сих пор здесь.

Мария посмотрела на него:

— Ты про Ковалёва?

— Не знаю. — Он пожал плечами. — Может, Ковалёв. Может, кто-то другой. Но я не верю, что дневник просто исчез. Такие вещи не исчезают.

Они помолчали. Вода плескалась о борт. Где-то вдалеке — Мария не видела где — всплыл кит и выпустил фонтан. Звук донёсся через секунду — тихий, шипящий.

— Что ты собираешься делать? — спросила она.

— Вернуться. — Максим посмотрел на неё. — Завтра. Или послезавтра. Когда Ковалёв успокоится и разрешит погружение. — Он помолчал. — Но я не хочу идти с ним. Я хочу идти с тобой.

Мария замерла.

— Почему?

— Потому что ты слышишь. — Он смотрел на неё прямо. — Я слышал один раз. Два года назад. А ты слышишь сейчас. Постоянно. Это значит, что ты... — он подбирал слово. — Что ты открыта. Что ты можешь с ними говорить.

— С кем — с ними?

— С теми, кто там внизу. — Он кивнул в сторону воды. — Я не знаю, кто они. Но они хотят с нами говорить. И ты — единственная, кто может их услышать.

Мария молчала. Она вспомнила шёпот. Слова, которые появлялись в голове, словно их кто-то вкладывал. «Вы вернулись. Мы ждали. Вы нужны нам».

— А если я не хочу? — спросила она тихо.

Максим посмотрел на неё. Долго.

— Тогда мы не пойдём, — сказал он. — Я не буду тебя заставлять. Это слишком серьёзно.

Мария отвернулась. Посмотрела на воду. Чёрную, тихую. И где-то там, внизу, — глаз. Чёрный, немигающий. Смотрит.

— Я пойду, — сказала она.

Максим кивнул. Не улыбнулся. Просто кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда завтра. После обеда. Когда все успокоятся.

Он забрал у неё чашку. Их пальцы соприкоснулись — коротко, случайно. Мария отдёрнула руку.

— Извини, — сказала она.

— Ничего. — Он отступил. — Иди спать. Завтра будет длинный день.

Он развернулся и пошёл к надстройке. Мария смотрела ему вслед.

— Максим, — позвала она.

Он обернулся.

— Спасибо. За кофе. И за... — она запнулась. — За то, что веришь.

Он кивнул. И ушёл.

Мария ещё немного постояла у борта. Потом пошла в каюту. Легла. Закрыла глаза.

И всю ночь слушала шёпот.

Утром её разбудил стук в дверь.

Мария села на койке. Голова была тяжёлой — она почти не спала. Шёпот не прекращался всю ночь, и к утру она научилась его игнорировать. Почти.

— Открыто, — сказала она.

Дверь распахнулась. На пороге стоял Ковалёв. Бледный, с бумагами в руках.

— Лазарева, — сказал он. — Нам надо поговорить.

Глава 8. Разговор с Ковалёвым

Кабинет Ковалёва был маленьким и тесным.

Стол, заваленный бумагами, два стула, шкаф с папками, иллюминатор, выходящий на корму. На стене — карта Марианской впадины с отметками и линиями. Мария села на стул, который ей указали, и положила руки на колени. Ковалёв сел напротив.

— Кофе? — спросил он.

— Нет, спасибо.

Он кивнул, словно ожидал отказа. Открыл папку, лежавшую перед ним. Мария увидела распечатки — графики, таблицы, какие-то схемы. И фотографии. Размытые, тёмные.

— Это записи с вашего погружения, — сказал Ковалёв. — Я изучил их ночью. — Он поднял глаза. — Вы ничего не записали о том, что слышали.

— Я не знала, как это записать.

— Понимаю. — Он откинулся на спинку стула. — Лазарева, я хочу, чтобы вы меня правильно поняли. Я не считаю вас сумасшедшей.

— Приятно слышать.

— Но и не считаю, что вы правы. — Он сложил руки на столе. — То, что вы описываете, — телепатия, контакт с неизвестным разумом — это выходит за рамки всего, что мы знаем о глубоководной жизни. Это невозможно.

— Мы видели его, — сказала Мария. — Не только слышали. Мы видели существо. Оно было там.

— Я видел записи. — Ковалёв кивнул. — Там что-то есть. Что-то большое. Но я не могу утверждать, что это разум. Или что оно говорило с вами. — Он помолчал. — Давление на такой глубине может вызывать галлюцинации. Это известный факт.

— Максим слышал то же самое.

— Авдеев — опытный пилот, но у него есть личная история, связанная с этой впадиной. — Ковалёв посмотрел на неё. — Его отец погиб здесь. Это может влиять на его восприятие.

Мария почувствовала, как внутри поднимается раздражение.

— Вы думаете, он выдумывает? Из-за отца?

— Я думаю, что он может быть предвзят. — Ковалёв поднял руку, останавливая её возражения. — Я не обвиняю его. Я просто говорю, что нужно быть осторожными. Наука требует доказательств.

— Каких доказательств вам нужно? — спросила Мария. — Записать шёпот? Он не записывается. Он в голове.

— Именно это меня и беспокоит. — Ковалёв подался вперёд. — Лазарева, я хочу, чтобы вы прошли медицинское обследование. Полное. Кровь, мозг, всё. Если это давление — мы это увидим. Если это что-то другое — тоже.

Мария молчала. Она понимала его логику. Понимала, что он прав — с научной точки зрения. Но что-то внутри неё сопротивлялось.

— Хорошо, — сказала она. — Я пройду обследование.

— Спасибо. — Ковалёв закрыл папку. — И ещё одно. Я запрещаю вам погружаться, пока обследование не будет завершено.

Мария замерла.

— Что?

— Временно. — Он смотрел на неё. — Это не наказание. Это безопасность. Если вы испытываете галлюцинации на глубине, это может быть опасно. Для вас и для Авдеева.

— А если обследование покажет, что я в порядке?

— Тогда мы поговорим о следующем погружении. — Он помолчал. — Но не раньше.

Мария встала. Руки дрожали, но она не хотела, чтобы он это видел.

— Это всё?

— Всё. — Ковалёв кивнул. — Обследование завтра утром. Врач придёт на судно.

Мария вышла. В коридоре она остановилась. Прислонилась спиной к стене. Закрыла глаза.

«Он не верит. Он думает, что мы сошли с ума. Или что мы опасны».

Шёпот, который молчал всё утро, снова появился. Тихий, на грани слышимости. Словно кто-то шептал ей прямо в ухо.

— Не... бойся...

Она открыла глаза. Коридор был пуст. Никого.

Мария пошла к себе. Но по дороге встретила Максима. Он стоял у иллюминатора, и лицо у него было мрачным.

— Поговорил с Ковалёвым? — спросил он.

— Поговорила. — Мария остановилась рядом. — Он запретил мне погружаться. Пока я не пройду обследование.

Максим кивнул. Словно ожидал этого.

— Мне тоже, — сказал он. — Запретил. Сказал, что я слишком предвзят. Из-за отца.

— Что будем делать?

Он посмотрел на неё. Потом на иллюминатор. За стеклом было море — серое, спокойное, утреннее.

— Обследование — это не проблема, — сказал он. — Мы пройдём его. И оно покажет, что мы здоровы. — Он помолчал. — Проблема в другом.

— В чём?

— Ковалёв хочет отправить беспилотник. — Максим сжал челюсти. — Он сказал, что это безопаснее. Что мы не будем рисковать людьми. Но я знаю, что он сделает.

— Что?

— Он отправит беспилотник туда, где мы были. И он найдёт это существо. — Максим посмотрел на неё. — А потом он попытается его поймать. Или убить. Или сделать что-то ещё, что мы не можем предсказать.

Мария похолодела.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что я знаю таких, как он. — Максим отвернулся. — Они боятся того, чего не понимают. А когда боятся — пытаются контролировать. А когда не могут контролировать — уничтожают.

Мария посмотрела на него. Потом на море.

— Что мы можем сделать?

Максим помолчал. Потом сказал:

— Мы можем спуститься раньше. До того, как он отправит беспилотник.

— Как? Он же запретил.

— Запретил официально. — Максим посмотрел на неё. — Но у нас есть «Гагарин». И у нас есть Пётр Ильич. Если он согласится помочь...

Мария задумалась. Пётр Ильич. Инженер, который знает батискаф лучше всех. Который работает здесь двадцать лет. Который может закрыть глаза на некоторые вещи, если попросить правильно.

— Ты думаешь, он согласится?

— Не знаю. — Максим пожал плечами. — Но мы можем спросить.

Они пошли в ангар. Пётр Ильич был там — как всегда, возился с «Гагариным». Услышав шаги, он поднял голову.

— Что-то случилось?

— Есть разговор, — сказал Максим.

Глава 9. Пётр Ильич

Пётр Ильич выслушал их молча.

Он сидел на перевёрнутом ящике, вытирая руки о тряпку, и смотрел на них так, как смотрят на людей, которые предлагают что-то очень глупое и очень опасное. Когда Максим закончил, он ещё долго молчал, глядя в пол.

— Значит, вы хотите взять «Гагарина» без разрешения, — сказал он наконец. — Спуститься на глубину, где вас ждёт что-то, чего вы не понимаете. И вернуться, надеясь, что никто не заметит.

— Да, — сказал Максим.

Пётр Ильич покачал головой.

— Вы сумасшедшие.

— Может быть. — Максим не отводил взгляда. — Но если мы не спустимся, это сделает Ковалёв. И он не будет осторожничать.

— Ковалёв — учёный, — сказал Пётр Ильич. — Он не идиот.

— Он боится. — Максим подался вперёд. — А когда люди боятся, они делают глупости. Ты же знаешь это. Ты двадцать лет в океане. Ты видел, что бывает, когда человек пытается контролировать то, что не понимает.

Пётр Ильич молчал. Тряпка в его руках замерла.

— Что ты хочешь от меня? — спросил он тихо.

— Помощь. — Максим кивнул в сторону «Гагарина». — Нам нужно, чтобы аппарат был готов. И чтобы ты не мешал. И чтобы... — он запнулся. — Чтобы ты прикрыл нас, если что.

Пётр Ильич посмотрел на него. Потом на Марию.

— А вы? — спросил он. — Вы понимаете, на что идёте?

Мария кивнула. Голос у неё был твёрдым, хотя внутри всё дрожало.

— Понимаю.

— Там внизу что-то есть. Что-то, чего мы не знаем. — Пётр Ильич смотрел на неё. — И вы хотите туда спуститься. Добровольно.

— Да.

Он отвернулся. Посмотрел на «Гагарина». Долго. Потом вздохнул.

— Я не могу вам помочь, — сказал он. — Официально. Если Ковалёв узнает — меня выкинут с судна. А мне ещё пенсию зарабатывать.

Мария почувствовала, как что-то сжалось в груди. Но Пётр Ильич продолжал:

— Но я могу не заметить, если вы возьмёте «Гагарина» ночью. — Он посмотрел на них. — Я буду спать. Крепко. И камеры в ангаре могут... сломаться. На время.

Максим медленно кивнул.

— Спасибо.

— Не благодари. — Пётр Ильич встал. — Я делаю это не для тебя. И не для неё. — Он кивнул в сторону Марии. — Я делаю это потому, что твой отец был моим другом. И потому, что я не хочу, чтобы Ковалёв сделал то же самое с кем-то ещё.

Он подошёл к батискафу. Похлопал его по боку.

— «Гагарин» готов. Я проверял его вчера. Все системы в норме. — Он повернулся к ним. — Но если вы не вернётесь — я не смогу вас вытащить. У меня нет второго батискафа. И у Ковалёва тоже.

— Мы вернёмся, — сказал Максим.

— Все так говорят. — Пётр Ильич покачал головой. — Ладно. Идите. Мне нужно закончить с проверкой. — Он помолчал. — И ещё одно.

— Что?

— Возьмите с собой аварийный маяк. — Он показал на маленький прибор на стене. — Если что-то случится — нажмёте кнопку. Я увижу сигнал. И сделаю всё, что смогу.

Максим взял маяк. Спрятал в карман.

— Спасибо, Пётр Ильич.

— Идите, — повторил инженер. — И не попадитесь Ковалёву на глаза. Он сегодня нервный.

Они вышли из ангара. На палубе было пусто — все были в кают-компании или у себя. Мария посмотрела на небо. Оно было серым, низким — снова тучи. Ветер усилился.

— Когда? — спросила она.

— Сегодня ночью, — сказал Максим. — В два часа. Когда все будут спать.

— А обследование?

— Пройдём утром. Если вернёмся. — Он посмотрел на неё. — Ты уверена?

Мария кивнула. Но внутри неё что-то сжималось. Страх? Нет. Что-то другое. Предчувствие.

— Уверена.

— Хорошо. — Максим развернулся. — Тогда отдыхай. Тебе понадобятся силы.

Он ушёл. Мария осталась на палубе. Ветер трепал её волосы. Море было серым, как небо. И где-то там, внизу, — существо с чёрным глазом. Оно ждало.

Шёпот вернулся. Тихий, настойчивый. Слова.

— Приходи... мы ждём...

Мария закрыла глаза. И ответила — мысленно, не вслух:

— Я иду.

Ночь пришла медленно.

Мария лежала на койке, одетая, готовая. Смотрела на часы. Стрелки двигались медленно, словно издеваясь. Восемь. Девять. Десять.

В одиннадцать в дверь постучали. Она открыла. Максим. В ветровке, с рюкзаком.

— Время, — сказал он.

Они пошли в ангар. Коридоры были пустыми, тёмными. Только аварийные лампы горели у пола — красные, как кровь. Мария шла за Максимом, стараясь не шуметь. Сердце колотилось.

В ангаре было темно. Только одна лампа горела у стены, отбрасывая жёлтый свет на «Гагарина». Пётр Ильич стоял рядом. Ждал.

— Всё готово, — сказал он тихо. — Системы в норме. Кислород — двенадцать часов. Связь — на частоте «Менделеева», но Ковалёв может слушать. Будьте осторожны.

Максим кивнул. Забрался в батискаф. Мария — за ним.

— Пётр Ильич, — сказала она, прежде чем люк закрылся. — Спасибо.

Он посмотрел на неё. Долго. Потом сказал:

— Возвращайтесь. Оба.

Люк закрылся. Мария пристегнулась. Посмотрела на панель. Всё знакомо. Всё проверено.

— Готова? — спросил Максим.

— Готова.

Он включил двигатели. Батискаф дрогнул. Ворота ангара открылись — медленно, бесшумно. За ними была тьма. Чёрная вода. Ночь.

— Поехали, — сказал Максим.

Батискаф выехал из ангара. Вода сомкнулась над ними.

Глава 10. Ночь

Ночное море было другим.

Мария поняла это сразу, как только «Гагарин» ушёл под воду. Днём океан был серым, спокойным, почти равнодушным. Ночью он стал чёрным. Не тёмно-синим, не тёмно-серым — чёрным, как чернила, как смола, как сама бездна. Свет с поверхности исчез почти сразу. Уже на пятидесяти метрах за иллюминатором была только тьма.

— Прожекторы, — сказал Максим.

Лучи прорезали черноту. Мария увидела, как в их свете кружатся частицы — планктон, ил, что-то ещё. И больше ничего. Ни рыб, ни медуз, ни креветок. Словно океан вымер.

— Странно, — сказала она. — Ночью должно быть больше жизни. Многие организмы поднимаются к поверхности.

— Должно. — Максим не отрывался от панели. — Но не сегодня.

Они опускались. Мария смотрела на глубиномер: сто метров, двести, триста. Тишина в наушниках была абсолютной. Ни помех, ни шёпота. Только гул двигателей и шум воды.

— Связь проверять не будем, — сказал Максим. — Ковалёв может слушать.

— А если что-то случится?

— Тогда используем аварийный маяк. — Он кивнул на прибор, прикреплённый к панели. — Пётр Ильич увидит.

Мария кивнула. Она смотрела в иллюминатор. Тьма за стеклом была плотной, осязаемой. Словно можно было протянуть руку и коснуться её.

— Максим, — сказала она тихо. — Шёпот.

— Что?

— Он вернулся. — Она прислушалась. — Слова. «Ближе. Ближе».

Максим посмотрел на неё. В свете приборной панели его лицо казалось жёлтым.

— Что ещё?

— Пока ничего. Просто «ближе».

Они опускались. Пятьсот метров. Восемьсот. Тысяча. Мария перестала смотреть на глубиномер. Она слушала.

Шёпот становился громче. Не словами — звуком. Словно кто-то говорил с ней из глубины, и с каждым метром этот кто-то подходил ближе. Она чувствовала его присутствие — не физически, но как-то иначе. Словно в голове у неё открылась дверь, и оттуда тянуло холодом.

— Ты как? — спросил Максим.

— Нормально. — Она соврала. Руки дрожали. — Просто... оно близко.

— Кто?

— Не знаю. — Она посмотрела на него. — Но оно знает, что мы здесь. Оно ждёт.

Они опускались. Две тысячи метров. Три тысячи. На глубине трёх тысяч Максим остановил батискаф.

— Здесь мы видели его в первый раз, — сказал он. — Проверим системы. И подождём.

Они зависли в воде. Мария смотрела в иллюминатор. Тьма. Только луч прожектора выхватывал из неё частицы ила.

— Долго ждать? — спросила она.

— Сколько нужно. — Максим откинулся в кресле. — Оно пришло само в прошлый раз. Придёт и сейчас.

Они ждали. Минута. Две. Пять. Мария смотрела на часы. Прошло десять минут. Пятнадцать.

— Может, оно не придёт, — сказала она.

— Придёт.

Двадцать минут. Тридцать. Мария начала нервничать. Она смотрела то в иллюминатор, то на панель, то на Максима. Он сидел неподвижно, словно статуя, и смотрел в темноту.

И тогда шёпот изменился.

Он стал громче. Настолько громким, что Мария вздрогнула. Слова — чёткие, ясные — появились в голове, словно их кто-то произносил прямо над ухом.

— Вы... пришли... снова...

— Оно здесь, — сказала Мария.

Максим выпрямился. Посмотрел в иллюминатор.

— Где?

— Не вижу. Но оно здесь. Оно говорит.

— Что говорит?

— Мы... ждали... — переводила Мария. — Вы... нужны... нам...

— Спроси, кто они, — сказал Максим. — Спроси, чего они хотят.

Мария закрыла глаза. Сосредоточилась. Мысленно — не вслух — она задала вопрос:

— Кто вы?

Шёпот замер. На секунду. Потом вернулся — но другим. Медленным, тяжёлым. Словно каждое слово давалось с трудом.

— Мы... древние... — Мария переводила медленно. — Мы... были... здесь... всегда...

— Всегда? — переспросил Максим. — Что это значит?

— До... вас... — продолжала Мария. — До... людей... До... всего...

Мария открыла глаза. Посмотрела на Максима. Он был бледным.

— Они говорят, что были здесь до нас. До людей. До всего.

— Что ещё?

Мария прислушалась.

— Мы... храним... — она запнулась. — Мы храним... память...

— Память? — Максим нахмурился. — Чью память?

Мария хотела спросить, но не успела. Что-то ударило в корпус батискафа. Тихо, глухо — как стук. И затем в иллюминаторе появилось оно.

Глаз.

Чёрный, огромный, без зрачка. Он смотрел на них. И Мария почувствовала, как что-то касается её сознания. Не грубо — осторожно, словно кто-то трогал её мысли пальцами.

— Не... бойтесь... — шёпот был мягким. — Мы... не... враги...

— Максим, — сказала Мария. — Оно говорит, что не хочет нам зла.

— Я слышу. — Он смотрел на глаз. — Но я не понимаю, чего оно хочет.

Мария снова закрыла глаза. Спросила:

— Чего вы хотите от нас?

Шёпот стал громче. Настойчивее.

— Помогите... — слова были чёткими. — Помогите... нам...

— Помочь? — Мария открыла глаза. — Чем?

— Мы... умираем...

Мария замерла. Посмотрела на Максима. Он смотрел на неё.

— Что оно сказало?

— Оно сказало... — Мария сглотнула. — Оно сказало, что они умирают.

Глава 11. Те, кто умирает

— Умирают? — Максим подался вперёд. — Спроси, что это значит. Почему они умирают?

Мария снова закрыла глаза. Сосредоточилась. Шёпот был рядом — она чувствовала его, как чувствуют чужое дыхание на затылке.

— Почему вы умираете? — спросила она мысленно.

Ответ пришёл не сразу. Слова появлялись медленно, словно существо подбирало их — или переводило с языка, который не имел аналогов в человеческом.

— Мы... были... многие... — Мария переводила вслух, чтобы Максим слышал. — Теперь... мало... Мы... таем...

— Тают? — переспросил Максим. — Что это значит?

— Нас... становится... меньше... — продолжала Мария. — Каждый... цикл... мы... теряем...

— Цикл? — Максим нахмурился. — Какой цикл?

Мария хотела спросить, но шёпот изменился. Он стал быстрее, настойчивее, словно существо торопилось.

— Люди... приходят... — слова были чёткими. — Люди... берут...

— Берут? — Мария открыла глаза. — Что берут?

— Всё... — шёпот был тяжёлым. — Всё... что... мы... храним...

Максим сжал подлокотники.

— Спроси, что они хранят. Что именно.

Мария снова закрыла глаза. Но шёпот уже изменился — стал тише, словно существо уставало. Или боялось.

— Память... — услышала она. — Память... океана... Память... мира... Память... до... вас...

— Они хранят память, — сказала Мария. — Память океана. Память мира. До нас.

Максим молчал. Он смотрел на глаз — чёрный, немигающий, огромный.

— Спроси, — сказал он наконец, — что будет, если они умрут. Что будет с этой памятью.

Мария спросила. Ответ пришёл быстро — и в нём было что-то, от чего у неё похолодели пальцы.

— Если... мы... уйдём... — шёпот был едва слышен. — Океан... забудет...

— Забудет? — Мария нахмурилась. — Что забудет?

— Всё... — ответ был простым. — Всё... что... было... до... вас...

Мария посмотрела на Максима.

— Они говорят, что если они умрут, океан забудет. Всё, что было до нас.

Максим молчал. Долго. Потом сказал:

— Спроси, кто их убивает.

Мария хотела спросить, но шёпот опередил её. Слова появились в голове сами — громкие, чёткие, словно существо ждало этого вопроса.

— Люди... — шёпот был холодным. — Люди... с... машинами... Люди... которые... берут...

Мария замерла.

— Люди, — сказала она. — Они говорят, что люди. С машинами. Которые берут.

Максим побледнел.

— Ковалёв, — сказал он.

— Что?

— Беспилотник. — Максим сжал челюсти. — Он отправил его. Или собирается. — Он посмотрел на Марию. — Они берут образцы. Бурят. Собирают. И это убивает их.

Мария почувствовала, как что-то сжалось в груди.

— Мы должны остановить его.

— Я знаю. — Максим уже работал с панелью. — Но сначала нам нужно понять, как их спасти.

Он повернулся к иллюминатору. Глаз всё ещё был там — чёрный, немигающий. Смотрел.

— Спроси, — сказал Максим, — что мы можем сделать. Как им помочь.

Мария закрыла глаза. Спросила.

Шёпот вернулся — но теперь в нём было что-то новое. Надежда? Может быть. Или страх. Или и то, и другое.

— Есть... место... — слова были медленными. — Место... где... мы... спим... Где... мы... храним...

— Где? — спросила Мария вслух.

— Глубже... — шёпот стал тише. — Глубже... чем... вы... были... Глубже... чем... всё...

— Насколько глубже?

— Дно... — слово было простым. — Настоящее... дно...

Мария открыла глаза. Посмотрела на Максима.

— Они говорят, что есть место. Глубже, чем мы были. Настоящее дно. Там они спят. Там они хранят.

— Настоящее дно, — повторил Максим. — Это значит — одиннадцать тысяч метров.

— Да.

Он помолчал. Потом сказал:

— Мы не можем туда спуститься. «Гагарин» не рассчитан на такую глубину. Максимум — восемь тысяч. Дальше — корпус не выдержит.

— Но они говорят, что это единственный способ.

— Я понимаю. — Максим провёл рукой по волосам. — Но если мы попытаемся — мы погибнем. И никого не спасём.

Мария хотела ответить, но шёпот снова появился. Быстрый, настойчивый.

— Не... вы... — слова были чёткими. — Другие... придут... Другие... с... машинами... Они... возьмут... всё...

— Они говорят, что придут другие, — сказала Мария. — С машинами. Они возьмут всё.

Максим замер.

— Ковалёв, — сказал он. — Он собирается отправить беспилотник на дно.

— Что мы можем сделать?

Максим молчал. Смотрел на глаз. Потом сказал:

— Мы должны вернуться. Сейчас. И остановить его. Пока он не сделал то, что уже нельзя будет исправить.

Мария кивнула. Она чувствовала то же самое.

— Мы вернёмся, — сказала она мысленно. — Мы попробуем остановить их.

Шёпот ответил — тихо, но отчётливо:

— Спешите... — в нём была тревога. — Они... уже... близко...

Они всплыли через час. Ночь была всё такой же чёрной, но на востоке уже серело — рассвет. Мария выбралась из батискафа первой и села на палубу. Ноги не держали.

Максим вышел следом. Лицо у него было жёстким.

— Идём, — сказал он. — Надо найти Ковалёва.

Они пошли через ангар. Пётр Ильич ждал их у входа. Увидев их, он выдохнул.

— Живы, — сказал он. — Слава богу.

— Где Ковалёв? — спросил Максим.

— В кают-компании. — Пётр Ильич нахмурился. — Он не спал. Всю ночь сидел там. С бумагами.

Максим пошёл дальше. Мария — за ним. В кают-компании горел свет. Ковалёв сидел за столом, склонившись над картой. Услышав шаги, он поднял голову.

— Что вы здесь делаете? — спросил он. — Я же сказал...

— Мы знаем, — перебил Максим. — Мы знаем, что вы собираетесь отправить беспилотник.

Ковалёв побледнел.

— Откуда...

— Не важно. — Максим подошёл к столу. — Важно то, что вы не должны этого делать.

— Это не ваше дело. — Ковалёв встал. — Это научная экспедиция. Я имею право...

— Вы имеете право убить их, — сказал Максим. — Вот что вы имеете право.

Ковалёв замер.

— Убить? Кого?

— Тех, кто там внизу. — Максим смотрел на него. — Они умирают. Из-за нас. Из-за людей. Из-за машин, которые берут образцы. И если вы отправите беспилотник, вы сделаете только хуже.

Ковалёв смотрел на него. Потом на Марию. Потом снова на Максима.

— Вы сошли с ума, — сказал он тихо. — Оба.

— Может быть. — Максим не отводил взгляда. — Но я не позволю вам это сделать.

Ковалёв потянулся к телефону на столе.

— Я вызову капитана. И врача. Вас нужно изолировать.

Максим схватил его за руку. Не грубо — но твёрдо.

— Слушайте меня. — Голос у него был тихим и жёстким. — Я не знаю, верите вы мне или нет. Но я знаю одно: если вы отправите этот беспилотник, вы пожалеете. Не потому, что я вам угрожаю. А потому, что то, что там внизу, — оно не просто живёт. Оно помнит. И оно не забудет.

Ковалёв смотрел на него. Долго. Потом опусти

Глава 12. Убедить

Ковалёв сел.

Это было неожиданно — он просто опустился на стул, словно из него вынули стержень, и посмотрел на свои руки. Долго. Потом поднял глаза на Максима.

— Расскажите мне всё, — сказал он. — С самого начала. Без пропусков.

Максим переглянулся с Марией. Она кивнула.

Они рассказали. Всё. Про глаз, про шёпот, про слова, которые появлялись в голове. Про то, что существа древние, что они хранят память океана, что они умирают. Про то, что люди с машинами приходят и берут — и это их убивает.

Ковалёв слушал молча. Не перебивал. Только когда Мария закончила, он сказал:

— Почему вы не сказали мне это раньше?

— Потому что вы бы не поверили, — ответил Максим.

— Я и сейчас не верю. — Ковалёв покачал головой. — Но... — он помолчал. — Я видел записи с вашего погружения. И я видел данные с гидрофонов. Там есть звуки. Странные. Я не обратил внимания, но теперь... — он замолчал.

— Что за звуки? — спросила Мария.

— Низкочастотные. Ритмичные. — Ковалёв посмотрел на неё. — Я думал, это тектоника. Движение плит. Но если вы правы... — он не закончил.

— Вы можете проверить, — сказала Мария. — Отправьте беспилотник. Но не для того, чтобы брать образцы. А для того, чтобы слушать.

Ковалёв задумался. Максим подался вперёд:

— У вас есть гидрофоны на беспилотнике?

— Есть. Но...

— Тогда отправьте его. Пусть он просто слушает. Не трогает. Не берёт. Просто слушает. — Максим смотрел на него. — Если вы ничего не услышите — мы отступим. Я обещаю.

Ковалёв молчал. Долго. Потом сказал:

— Хорошо. Я отправлю беспилотник. Но с условием.

— Каким?

— Вы не будете вмешиваться. Ни вы, ни она. — Он посмотрел на Марию. — И если я решу, что это опасно, — я прекращаю. Немедленно.

— Согласен, — сказал Максим.

Беспилотник готовили два часа.

Это был небольшой аппарат — торпеда с камерами, гидрофонами и манипуляторами. Пётр Ильич проверял его лично, хотя Ковалёв стоял рядом и смотрел на него с подозрением.

— Всё в норме, — сказал Пётр Ильич, закрывая панель. — Можете запускать.

Ковалёв кивнул. Нажал кнопку на пульте. Беспилотник дрогнул и медленно выехал из ангара. Вода сомкнулась над ним.

Мария стояла у монитора. На экране был виден только серый шум — вода, частицы, тьма. Беспилотник опускался.

— Глубина — пятьсот метров, — сказал Ковалёв. — Восемьсот. Тысяча. — Он не отрывался от экрана. — Всё в норме.

Они ждали. Мария смотрела на экран. Беспилотник опускался. Две тысячи метров. Три тысячи.

И тогда гидрофоны ожили.

Сначала это был просто шум — низкий, гудящий. Но постепенно он становился ритмичным. Словно кто-то стучал. Или дышал.

— Вот, — сказала Мария. — Слышите?

Ковалёв нахмурился. Он смотрел на экран. Потом на гидрофоны. Потом снова на экран.

— Это... — он замолчал.

— Это они, — сказала Мария. — Это их голоса. Они говорят.

Ковалёв смотрел на неё. Долго. Потом сказал:

— Я не слышу слов.

— Потому что они говорят не словами. — Мария подошла к монитору. — Они говорят звуком. И я... я перевожу.

Ковалёв молчал. Он смотрел на экран, где гидрофоны рисовали волны — ритмичные, повторяющиеся. Словно пульс.

— Что они говорят? — спросил он тихо.

Мария прислушалась. Шёпот был здесь — она чувствовала его. Он шёл через гидрофоны, через экран, через воду. Он был везде.

— Вы... слушаете... — перевела она. — Это... хорошо...

— Они говорят, что мы слушаем, — сказала Мария. — И что это хорошо.

Ковалёв побледнел. Но не отступил.

— Спросите... — он запнулся. — Спросите, что они хотят.

Мария закрыла глаза. Спросила. Ответ пришёл быстро.

— Не... берите... — шёпот был чётким. — Не... разрушайте... Мы... просим...

— Они просят не брать и не разрушать, — сказала Мария. — Они просят.

Ковалёв смотрел на экран. Гидрофоны продолжали рисовать волны — ритмичные, живые.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я не буду. — Он помолчал. — Но я должен понять. Что они такое? Откуда они? Почему они здесь?

Мария хотела спросить, но шёпот опередил её. Слова появились сами — медленные, тяжёлые.

— Мы... были... здесь... всегда... — Мария переводила вслух. — Мы... помним... когда... океан... был... молодым... Когда... земля... была... другой... Мы... видели... как... пришли... люди...

— Люди? — переспросил Ковалёв. — Когда?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.